



Владимир Фролов,
курсант авиашколы. 1941

Предлагаем читателям познакомиться с воспоминаниями фронтовика-авиатора **Владимира Петровича Фролова** (1921–1998). Он уроженец Симбирской губернии, был призван в ряды Красной армии летом 1941 года.

Владимир Фролов окончил одногодичную авиашколу, получил звание лейтенанта. Был направлен в 384-ю отд. авиаэскадрилью, которая позже вошла в состав 1002-го смешанного авиаполка. Прошёл Воронежский, 1-й Укр. фронты. Награждён медалями «За освобождение Праги», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945), орденом Отечественной войны II ст. (1985).

После окончания Казанского юридического института (1950) работал следователем районной прокуратуры, пом. прокурора Тагайского района Ульяновской области. В 1951 году был избран народным судьёй того же района, в 1953 году – заместителем председателя Ульяновского областного суда. В судебной системе края трудился 34 года.

Мы победили в этой справедливой для нас войне...

Я родился в 1921 году в селе Сара (ныне Сурского района Ульяновской области). Наша крестьянская семья была большой, 10 человек. Получив после революции 1917 года значительный земельный надел, мы все упорно трудились. В хозяйстве имелось две лошади, жеребёнок, две коровы, овцы, свинки, домашняя птица... Построили дом, жизнь как-то налаживалась. Но наступили 1930-е годы. Отцовское хозяйство сельская гольтыба признала кулацким. Отбрали весь скот (он потом в чужих руках пал от бескормицы). Раскулачивали и середняков. Отбирали дома, а людей куда-то отправляли целыми семьями... Подоброму люди дома свои не освобождали. Стоял стон и плач. Через разбитые окна выкидывали одежду, постель, насильно «выдавливали» голосивших хозяек. Орудовали молодые сельские активисты, позже получая в качестве поощрения кожаные тужурки. Собравшийся народ угрюмо смотрел на эту дикую картину,

но, боясь, безмолвствовал. Правда, не всегда. Так при угоне скота с нашего двора сосед схватился за вилы и, матерясь, хотел ударить одного из активистов. Отец его остановил: «Не надо, Михаил, мне этим не поможешь, а себя погубишь». Мы чудом остались в своём доме: подоспело письмо-ходатайство, адресованное райисполкому от комиссара части, в которой служил мой брат.

Семья вступила в местный колхоз. Но переживания с раскулачиванием подорвали здоровье отца. А тут наступил страшный 1933 год. Голод. Люди перешли на подножный корм: в пищу шло всё: дикий лук, лебеда, древесная кора, жёлуди... Радовались, когда появлялась картошка нового урожая. О хлебе и не мечтали.

В 1933-м я окончил сельскую школу. Отец тяжело болел. На следующий год он умер. Я всё-таки ушёл учиться в школу-семилетку соседнего села. Параллельно работал в колхозе. А в 1938 году поступил учиться в Алатырский лесотехнический рабфак. Но со

второго курса по совету преподавателей ушёл в среднюю школу, чтобы потом поступить в вуз, куда я стремился.

19 июня 1941 года я получил аттестат об окончании средней школы. Незабываемый прощальный вечер. Пели, танцевали, декламировали стихи. На расвете провожали девчат. Договорились на следующий день собраться, чтобы отправиться в лес за Суру. Стояла солнечная погода. Под гитару и гармошку опять пели и плясали. А дома меня уже ждала повестка из райвоенкомата. 21 июня прошёл комиссию. Военком определил: «Направим в лётную школу»...

Вечером того же дня мы вновь собрались сельской ватагой ребят: с гармошкой ходили, веселились в соседнее село. Домой вернулись лишь под утро. Я крепко уснул на сеновале, а наутро меня разбудил брат: «Вставай, будет выступать Молотов с важным правительственным сообщением».

А дальше была война. Начались печальные проводы ново-



бранцев. Проводили и мы сначала одного, затем второго брата. Третий был в кадровой армии с 1939 года. Настал день призыва и для меня – 2 августа 1941-го. Отправили нас с другом, как и обещал военком, в авиашколу.

Город Саранск... На базе местного аэроклуба здесь должны были создать 5-ю авиационную школу пилотов. В течение месяца мы занимались строевой подготовкой. Война, между тем, бушевала... Фашисты быстро продвигались вглубь страны. С фронта поступали тревожные сообщения. Не хотелось в них верить. Мы были воспитаны в духе веры в непобедимую Красную армию, а на поверку выходило, что страна оказалась к войне неподготовленной... Армия была обезглавлена, уничтожены почти все соратники Ленина... Удивляло заявление советского правительства незадолго до начала войны о том, что слухи о концентрации немецких войск у границы СССР и о нападении Германии являются провокационными, СССР и Германия придерживаются договора о ненападении.

Вернусь к своей личной судьбе. Из Саранска нас перебазировали в город Алатырь, где объединили со 2-й Московской авиашколой пилотов. Изучение теории и материальной части самолётов перемежалось с учебными полётами. Поздней осенью того же 1941-го передислоцировались в город Ардатов. Начались ежедневные учебные полёты. Установились сильные морозы. Кабины учебных самолётов были открытыми. Все мы, курсанты, пообморозили на ветру лица и уши. Но рвались на передовую...

В апреле 1942 года авиашкола снова перебазировалась, на сей раз под Киров, в посёлок Порошино. Здесь стали летать уже самостоятельно на У-2 и УТ-2. Ожидали прибытия истребителей. Мы стали одолевать полёты в закрытых кабинах по приборам.

В школе было немало авиаторов-технарей, уже побывавших на передовой в начале войны, и теперь их переучивали на лётчиков. Они рассказывали, как немецкие самолёты перед началом

войны свободно летали в приграничной зоне, расположение наших войск и аэродромов им было хорошо известно. Но приказа отгонять и стрелять по ним из зениток не было. Командование успокаивало войска, что боины не будет. Но она началась. В первые же дни вражеского наступления наши самолёты на приграничных территориях были просто уничтожены врагом. И советские наземные части оказались без воздушного прикрытия.

В июле 1942 года пришёл приказ: личному составу нашей авиашколы прибыть в Москву, всю материальную часть передать запасному авиаполку. Никаких документов об окончании обучения нам не выдали. В столице личный состав школы стали расформировывать: кого в пехоту, кого на краткосрочные артиллерийские курсы, не считаясь с тем, что целый год люди учились лётному делу.

Между тем положение на фронте оставалось тяжёлым: враг стремительно приближался к Волге. Решение в отношении нас было, безусловно, ошибочным. Оно принималось в обстановке растерянности.

Я в числе четырнадцати человек был направлен в город Горький. Нам было приказано восстанавливать подбитые самолёты По-2. Организовывалась 384-я отдельная авиационная эскадрилья связи.

И вот мы, несколько человек, едем по железной дороге на Воронежский фронт. На станции Поворино вечером попали под первую бомбёжку. Немцы навешали «фонарей» и стали бомбить с воздуха станцию. Народ бросился врассыпную, мы укрылись в какой-то канаве подле железнодорожного полотна. Глядишь в небо на оторвавшуюся от вражеского самолёта бомбу, и кажется, что она летит прямо на тебя.

На следующий день двинулись дальше... Наша авиаэскадрилья осела в окрестностях воронежского города Боброва, затем был воронежский Острогжск. Враг хорошо укрепил этот город. Матушка-пехота брала его штурмом с открытой местно-

сти. Были большие людские потери: как сейчас перед глазами стоит перед глазами местность, буквально усыпанная трупами наших солдат.

Наступление советских войск продолжалось. И вот наша авиаэскадрилья перелетает на новое место, западнее Белгорода. Не успели устроиться на новом месте, как немец стал развивать контрнаступление, сильно бомбя Белгород. Однажды наша автомашина попала под бомбёжку, но, к счастью, нам удалось проскочить через горящий город.

Враг вновь взял Харьков и Белгород. Наш авиаполк оказался в четырёх километрах от курского города Обоянь, на земле совхоза «Рудовский». Здесь мы находились вплоть до начала битвы на Курской дуге. Немцы часто бомбили наш аэродром. Были потери среди личного состава, сильно страдала материальная часть...

С местным населением общаться не приходилось: аэродромы были полевыми, вдали от населённых пунктов.

После удержания Сталинграда настроение армии стало боевым, у всех появилась реальная надежда на победу.

В воздухе буквально витало ожидание решающей битвы под Курском. И она началась. Первоначально немцы потеснили наши войска в отдельных местах на десятки километров. Немасштабные танковые бои шли в районе Прохоровки, Томаровки, Б. Михайловки.

Позже мне довелось побывать там, где развернулось основное танковое сражение. Мы искали не вернувшийся самолёт, который вылетал на связь с одной из наших частей, оказавшихся в окружении. Всё поле было усеяно подбитыми танками и телами убитых. Трупный смрад стоял такой, что трудно было дышать. Пропавший самолёт мы нашли. В нём обнаружили погибшего штурмана, но кабина пилота была пуста. Впоследствии оказалось, что его взяли в плен. Лётчик остался в живых, и когда мы находились уже на территории Германии, он прислал в часть письмо о злключениях лагерной жизни.

После Курской дуги немца погнали к Днепру. 7 ноября 1943-го советские войска взяли Киев. Наша эскадрилья перебазировалась в местечко Ирпень под Киевом. Затем её маршрут пролегал через Житомир, Новоград-Волынский, Славуту, Броды, Львов. В районе города Броды (Западная Украина) оказалось большое скопление националистов-бандеровцев. Многие из них днём работали, к примеру, в поле, как мирные сельские, а по ночам брались за оружие, нападая на наши тыловые и небольшие передовые части. Пришлось и мне участвовать в уничтожении одной из бандеровских банд. Дело было так. На окраине одного из сёл расположился штаб полка, рядом с ним – полевой аэродром. Мы, технари, расселились по местным хатам вместе с их обитателями. Как-то ночью раздались сигналы тревоги. Бежим к штабу на аэродром. Там застаём разбирательство с задержанным – в одном нательном белье. Он поведал о том, что накануне он с сослуживцами на двух машинах доставлял в свою часть продовольствие. По пути на обочине появился человек в форме красноармейца и стал «голосовать». Обычная ситуация на фронтовых дорогах. Тормознули. И только остановились, как из пшеницы выскочила небольшая группа вооружённых автоматами. Кто-то из них сел за руль, груз из кузова выбросили. Тем временем подтянулись на подводах ещё человек 10–15, среди них – женщина. Все под хмельком. С сопровождавших наши машины и водителей сняли обмундирование, выстроив вдоль дороги. Стали решать: расстрелять их или нет. Женщины возражала. Наши солдаты воспользовались моментом и бросились в пшеницу. Вслед раздалась автоматная очередь. Кто из бежавших остался жив, осталось неясным.

Вооружившись автоматами на двух машинах, прихватив задержанного, мы во главе с майором Будановым выдвинулись к месту происшествия. Вот выброшенные ящики с овощами, вот овраг. В стороне – домик. Подле

мирно паслась лошадь. На шум выскочила собака в ошейнике (возможно, связная). В этот момент самолёт, высланный нам в помощь с аэродрома, пошёл на снижение. С земли слышались автоматные очереди. Самолёт крыльями показал местонахождение бандитов – в правой стороне оврага. Где перебежками, где попластунски мы стали продвигаться туда. Началась перестрелка. Самолёт ещё раз спикировал на бандеровцев, поливая их автоматными очередями с воздуха. Это бандитов деморализовало, они стали отступать, путь им открыли наши автоматчики. В том бою оказались уничтоженными человек 17 бандеровцев. Главарь подорвал себя гранатой. С нашей стороны оказалось трое раненых. Мы собрали трупы и привезли в ближайшее село. Местные никого из убитых не опознали, хотя, по нашим данным, кто-то был именно отсюда. Позднее, когда авиачасть уже передислоцировалась на польскую территорию, дошли слухи, что бандеровцы всех погибших в том бою захоронили с почестями.

По ходу продвижения полка я побывал во Львове. Полюбовался его улицами, памятником Мицкевичу. За участие в освобождении этого города нашему полку присвоили наименование «Львовский».

Август 1944 года. Мы в Польше. Немцы отступали, сильно огрызаясь. Местное население относилось к нам неплохо. Первым городом пребывания стал Жешув. Радовало обилие здесь советской военной техники, в небе то и дело, следуя на передовую, проносились наши штурмовики и истребители.

Стало известно, что открыли долгожданный Второй фронт. Союзники опасались, что СССР закончит войну победоносно без них. Между тем в самой Польше шла подспудная борьба за власть между сторонниками Лондонского эмигрантского правительства и Фронтом национального освобождения, образованном в Жешуве.

Однажды я с товарищем оказался свидетелем убийства прямо

у костёла польскими солдатами своего соотечественника. Мы попытались вмешаться, но нам пояснили, что они давно разыскивали его как лазутчика Лондонского правительства. Но ведь это самосуд – пытались заступиться мы. «Туда ему и дорога», – последовал ответ.

Получали письма из дома. Из коротких весточек родных уясняли, что жизнь в тылу тяжёлая. Упоминались имена умерших родственников и односельчан. Но военная цензура работала тщательно, оставляя в письмах с родины и на родину свой след.

И вот ещё один запомнившийся эпизод. В одной польской деревне нам пришлось столкнуться с большим отрядом выходивших из окружения немцев. Ночью они выбрались из леса, заняли школу на окраине села и взялись грабить местное население, уничтожая скот, изымая продовольствие. Наутро в наш штаб прибежал поляк-командир сельского штаба самообороны. Взывал о помощи, сообщив, что в школе засело человек 50 фрицев. Мы бросились их атаковать, но там оказалось три сотни немцев. С ними справились только после того, когда из штаба фронта подослали на помощь три танка и пехоту. Часть немцев скрылась в лесу, но многих уничтожили. У нас погибли два техника-лейтенанта.

Затем на пути были уже немецкие города: Глейвиц, Бреслау, затем Берлин. За участие в штурме Берлина полк получил наименование «Берлинский» и стал именоваться 1002-й отдельный Львовско-Берлинский авиационный полк связи.

Война для меня закончилась в деревне Кунсдорф под Берлином. Радости не было конца: мы победили в этой справедливой для нас войне, защищая родину от жестокого завоевателя. Но эту радость омрачала горечь утрат: многие фронтовики погибли, не дождавшись светлого победного дня...

Подготовила к печати
Лидия Берч